

Первая монография о степной резиденции Караханидов

Р. Г. Мурадов (Ашхабад, Туркменистан)

Немцева Н.Б. Рабат-и Малик, XI-начало XVIII вв. (археологические исследования). – Ташкент, Французский институт исследований Центральной Азии, 2009. – 134 с.; 78 ил. (Серия «Document de travail del'IFEAC», No 33).

Среди выдающихся памятников средневековой архитектуры Центральной Азии особое место занимает дворцовый комплекс караханидской эпохи, известный как Рабат-и Малик, на позднем этапе функционирования превращенный в караван-сарай. Его необычайно монументальный южный фасад нельзя было спутать ни с чем: слева и справа от классического пештака монолитная стена высотой около 12 метров членилась цилиндрическими полуколоннами, плотно прижатыми друг к другу, над которыми были переброшены перспективные арки стрельчатого типа. Величественные руины, еще не так давно одиноко возвышавшиеся в голой степи близ старого Кермине в Бухарском оазисе, ныне оказались в плотном окружении сельскохозяйственных угодий и прочих форм антропогенного воздействия на природный ландшафт. Вся земля вокруг распахана, древняя караванная дорога, на которой почти тысячу лет назад вырос этот царский замок, стала скоростной автомагистралью, а в непосредственной близости от памятника ведется интенсивное строительство, ведь всего в 10 км к востоку теперь находится молодой город Навои. Неумолимый натиск современной цивилизации оставляет все меньше поля деятельности для археологов. Рабат-и Малик как раз и являет собой наглядный пример того, сколь опасно для древних сооружений тесное соседство с современной жилой застройкой и агропромышленной зоной. Если пустыня веками хранила бесценные для нас следы прошлой жизни в состоянии естественной консервации, то человек, поселившись рядом с ними, в буквальном смысле сметает их с лица земли за считанные годы. Самое парадоксальное, что никакого злого умысла в этом нет: в глазах большинства местных жителей древние руины, если только это не места поклонения, связанное с культом святых, не представляют никакой самостоятельной ценности и рассматриваются разве что как своего рода каменоломня, откуда можно свободно извлекать жженный кирпич для своих нужд. Советский опыт показывает, что никакие охранные мероприятия, никакие законы не были препятствием для массового разбора архитектурных памятников, а также для распашки под хлопковые

поля слабо выраженных в рельефе археологических объектов. Мало что меняется в этом смысле и в постсоветское время. Вот почему так важно вовремя выявить, изучить и опубликовать объекты недвижимого культурного наследия – успеть сделать это, прежде чем они навсегда утратят идентичность в результате грубой реставрации, или будут попросту снесены, как это нередко случалось в XX веке.

Но Рабат-и Малику повезло: один из немногих в регионе, он стал предметом систематических стационарных раскопок, начавшихся еще в 1973 г. под руководством Нины Борисовны Немцевой и завершившихся (правда, с вынужденным перерывом более чем на 20 лет) в 2001 г. Конечно, археологи пришли сюда поздно: 40 лет назад от некогда роскошного здания сохранился на поверхности один лишь монументальный пештак. Необычайно эффектная гофрированная стена южного фасада с круглыми угловыми башнями-гульдаста исчезла еще в первой половине минувшего столетия, но запечатлена на старых фотографиях. Сначала обрушилась правая сторона, а затем некий предприимчивый хозяйственник из соседнего колхоза организовал разборку облицовочного слоя из жженого кирпича с левой стороны, после чего сырцовая кладка самой стены долго не простояла. В довершение погрома, учиненного на памятнике, в 50-е годы, когда началось строительство города Навои, Рабат-и Малик был разрезан проложенным поперёк асфальтовым шоссе и остатки стен по обе стороны дороги срывал бульдозер. Вот какую безрадостную картину увидели специалисты из Института искусствознания им. Хамзы Министерства культуры Узбекской ССР, когда приступили к раскопкам этого объекта вместе со студентами архитектурного факультета Ташкентского политехнического института. Тем веселее результаты этих работ, позволившие спасти то, что еще оставалось под землей, выявить внутреннюю планировку здания и архитектурный декор из интерьеров, установить периоды его строительной истории, прояснить функциональную атрибуцию и добыть массу артефактов (керамика, художественный металл, резная кость, богатый нумизматический сбор), характеризующих материальную культуру средневекового Мавераннахра.

Все это давно стало достоянием науки благодаря многочисленным статьям и сообщениям Н.Б.Немцевой, которая ранее уже публиковала результаты своих раскопок на разных этапах их проведения, а теперь выпустила во многом итоговую монографию об этом замечательном памятнике. Уже в его первой крупной публикации исследователь, в отличие от своих предшественников и коллег, ставит под сомнение назначение Рабат-и Малика,¹ осторожно называя его караван-сараям с

¹ Н.Б.Немцева отмечает, что общий план памятника не имеет прямых аналогов в синхронной или более ранней архитектуре Средней Азии, где можно было бы усмотреть истоки такой композиции. До раскопок все специалисты, конечно же, понимали, что караван-сараям Рабат-и Малик можно считать весьма условно. Его называли «царским рабатом», т.е. караван-сараям, приспособленным к тому, чтобы в нем мог останавливаться хан (Засыпкин 1928: 9) или караван-сараям, в котором «гостиница для купцов вступила в спор с былыми замками и дворцами» (Пугаченкова, Ремпель 1965: 193), но еще не знали наверняка, что его план не имеет ничего общего с сельджукскими памятниками

чертами более раннего замка и справедливо усматривая в его генезисе с одной стороны так называемый «иракский» тип арабского касра, представленный построенными в пустыне дворцами в Куфе, Ухайдире, Мшатте и т.п., а с другой стороны – территориально более близкий «иранский» тип дворца времен Сасанидов, уходящий корнями в ахеменидскую эпоху (Немцева 1983: 141-142). В дальнейшем Н.Б.Немцева стала более уверенно и аргументировано говорить о Рабат-и Малике прежде всего как о дворцовой постройке, а вовсе не караван-сарая, в который объект был превращен лишь на поздних этапах функционирования (Немцева 2000а, 2000б, 2002, 2004, 2010). Самым развернутым доказательством этой атрибуции стала рецензируемая монография, где в заключении автор утверждает: «Это единственное, полностью археологически исследованное гражданское сооружение дворцового типа в Центральном Мавераннахре XI-XII вв., которое впервые представило реальные данные для суждений о характере архитектуры, объемно-планировочном решении, конструкциях и художественном образе загородной резиденции эпохи Караханидов» (с.83). Действительно, «дворцы средневековых мусульманских владык большей частью бесследно исчезли. Немногие из них, подобно Альгамбре, сохранились настолько, чтобы археологи могли восстановить их облик и составить представление о вкусах их обитателей» (Стародуб-Еникеева 2004: 371). Благодаря многолетнему труду Н.Б.Немцевой Рабат-и Малик входит теперь в число этих немногих.

Несмотря на то, что объемно-планировочная и функциональная типология дворцовых построек Центральной Азии, начиная с эпохи бронзы до XIX в., до сих пор не выявлена, попытки систематизировать немалый археологический и архитектурный материал все-таки предпринимались (Пугаченкова 1982; Хмельницкий 2004; Мкртычев, Мурадов 2006). И хотя такой крупный специалист как С.Г.Хмельницкий в своем фундаментальном исследовании «Между арабами и тюрками: Архитектура Средней Азии IX-X веков» по традиции поместил Рабат-и Малик в раздел «Караван-сарай», а не «Дворцы», он же выстроил убедительный типологический ряд дворцовых построек, в который укладывается и этот объект. Не столько по планировочной структуре, как по расположению достаточно далеко от административного центра он относится к категории дворцов, которую можно обозначить как **«сезонная правительственная резиденция»**. Из территориально близких примеров этого типа назовем давно известный по раскопкам В.А.Шишкина летний дворец бухархудатов в Варахше (VII в.), недостроенный летний дворец Акыртас близ Тараза в Семиречье (середина VIII в.), возводившийся, вероятнее всего, для карлукского кагана (Байпаков 2005, с.129-136) и, наконец, здание Кырк-Кыз в 3 км от

Даяхатын и Рабат-и Шараф. Уже после начала раскопок его включили в типологическую группу «многодворный рабат с Т-образным внутренним членением» (Маньковская 1980: 67).

Старого Термеза, которое считалось загородным дворцом Саманидов, но согласно последним археологическим данным датировано XIV-XV вв. (Некрасова 200: 121).

Несомненно, генезис этой категории дворцов уходит в доисламские времена. Из китайских источников мы знаем, что в Иране эпохи Сасанидов была традиция возводить несколько царских резиденций. Об этом прямо сказано в одной их хроник при ранней Танской династии (VII в.): «Владелец, кроме главного дворца, имеет еще около десятка небольших дворцов в других местах, подобно загородным дворцам в Срединном государстве. Ежегодно в четвертой луне он предпринимает путешествие по внешним дворцам, а в конце десятой луны возвращается» (Бэйши, гл.97, 167-168. Цит. по: Бичурин 1998: 270). Определенный порядок посещений своих степных ставок был, судя по всему, и у Караханидов, чьи столицы – Кашгар, Баласагун, Узген – находились довольно далеко от Мавераннахра. Впрочем, владельцами Рабат-и Малика могли быть и не верховные правители Караханидского государства – богра-ханы, а их наместники в уделах – илек-ханы, почти не зависевшие от центральной власти.

Казалось бы, дворец и караван-сарай, если рассматривать их в историко-теоретическом плане, это два разных архитектурных типа, мало похожих по объемно-планировочной структуре и уровню декоративно-художественной отделки. Более того, это объекты разных онтологических категорий, обладавшие изначально противоположным общественным статусом. Дворец – это изолированное, почти сакральное пространство обитания власти, куда имеют доступ лишь избранные. Это символ элиты, богатства и мощи государства. А караван-сарай, напротив, открыт и доступен для всех, это символ гостеприимства и равенства, где рядом могли оказаться богатый купец и нищий аскет, рабовладелец и невольник, разбойник и святой – все одинаково уставшие в пути. Наконец, в силу своей утилитарности караван-сарай несравнимо более массовый тип сооружения, чем дворец. Но дворцовая архитектура не просто многообразна во всех отношениях, она имеет свою достаточно сложную типологию – от столичных имперских комплексов до загородных летних ставок. Нет, конечно, ничего удивительного в том, что после ухода с исторической арены той или иной правящей династии происходит ниспровержение их святынь, а бывшие апартаменты земных богов перепрофилируются сразу или после длительного запустения. Одни становятся музеями, как Альгамбра, Версаль или Эрмитаж, другие – караван-сараями, как Рабат-и Малик. Иначе говоря, происходит профанация дворца как символа власти, но само сооружение продолжает функционировать в новом качестве в иной социокультурной среде.

В отличие от большинства архитектурных памятников центральноазиатского региона, как правило, попавших в поле зрения исследователей не раньше, чем Туркестан был присоединен к России, Рабат-и Малику повезло и в этом: еще в 1841 г. его увидел 27-летний

немецкий натуралист Александр Адольф Леман, оказавшийся здесь в составе русской дипломатической миссии, отправленной ко двору бухарского эмира. Именно натуралист, а не востоковед и топограф, ехавшие вместе с ним из Бухары в Самарканд, оставил потомкам вполне грамотную зарисовку главного фасада, хотя и с некоторым искажением пропорций, но вполне узнаваемо запечатлев облик сооружения и его антураж, в том числе ворота внешней крепостной стены, от которых в XX в. не осталось и следа. Более того, Леман довольно подробно описал интерьеры Рабат-и Малика и выяснил у местных жителей, что по преданиям 700-800 лет назад его построил некий Малик-хан. Иначе говоря, с первого упоминания этого памятника в европейском источнике (Lehmann 1852) была дано именно то его определение и та дата строительства, которые теперь, после раскопок, убедительно отстаивает Н.Б.Немцева. Два разных перевода с немецкого текста Лемана почти одновременно опубликовали первые профессиональные исследователи этого памятника И.И.Умняков и Б.Н.Засыпкин, для которого касающийся Рабат-и Малика более полный фрагмент перевел Б.П.Денике. Учитывая давность и труднодоступность этих публикаций, возможно, имело смысл воспроизвести их в монографии и вообще расширить историографическую часть, сполна представленную в работе Умнякова, но с тех пор, конечно, значительно пополнившуюся. И хотя специальных статей, посвященных Рабат-и Малику, кроме одной (Семенов 1951), до Н.Б.Немцевой больше не было, этому объекту уделено немало внимания в общих трудах по истории искусства и архитектуры (Денике 1939: 16-18; Веймарн 1940: 36-39; Засыпкин 1948: 42-44; Нильсен 1956: 44-55; Ремпель 1961: 153-155; Пугаченкова, Ремпель 1965: 193-195; Прибыткова 1973: 113-118; Хмельницкий 1992: 187-194; 1996: 289-291; Hillenbrand 1994: 341-344). Каждый из этих авторов внес свою лепту в научную интерпретацию памятника, хотя с высоты сегодняшних знаний о нем, полученных, прежде всего, благодаря раскопкам, некоторые их гипотезы и выводы либо устарели, либо заслуживают критического разбора.

К сожалению, вводная часть монографии Н.Б.Немцевой слишком лаконична и дает скудную информацию об этапах исследования Рабат-и Малика. Между тем, это важные для истории архитектуры штрихи, особенно когда речь идет о таком уникальном и почти уже утраченном памятнике. Начало его изучения связано с деятельностью Средазкомстариса. Этой организацией осенью 1925 года на развалины были командированы гражданский инженер В.А.Красильников и археолог В.Р.Чейлытко, собравшие сведения о состоянии руин. Вслед за ними туда отправились члены Бухарской комиссии Средазкомстатриса М.Ю.Саиджанов и В.К. Костко «для производства фотографической съемки», а летом 1926 г. инженер-архитектор М.М.Логинов произвел подробные обмеры (Умняков 1927: 7-8). Н.Б.Немцева упоминает о первых укрепительных работах стен главного фасада в 1928 г., но дальше – лагуна. Сохранились ли архивные документы об этом? Почему объект,

вызвавший столь серьезный интерес во второй половине 20-х, потом оказался забыт на несколько десятилетий, брошен на произвол судьбы и в результате стал жертвой вандализма, в то время как о нем продолжали писать упомянутые выше авторы? Поиски ответа на этот вопрос сопряжены с анализом общих тенденций советской политики 30-60-х гг. в отношении культурного наследия и уводят несколько в сторону от темы рецензируемой работы, поэтому ограничимся указанием на Рабат-и Малик как на очень характерный пример отношения государства к памятникам прошлого после 1931 г., когда страна пережила «великий перелом».

Основное содержание монографии Н.Б.Немцевой составляет тщательно выполненное описание как наземной части, включая утраченное в XX веке, так и раскопанного самим автором основного массива сооружения, а также публикация комплекса керамики, ювелирных и бронзовых изделий, фрагментов архитектурного декора. Все это дает достаточно полное представление о Рабат-и малике и позволяет сделать вполне обоснованные выводы относительно его возраста, стиля и значения как незаурядного историко-художественного явления. Прежде всего рассматривается главный фасад, чья фронтальная композиция и облицовка наиболее хорошо известны. Он запечатлен на упомянутой литографии Лемана и на фотоснимках, сделанных, начиная с 1906 г., в бесчисленном количестве и опубликованных едва ли не во всех книгах по искусству и архитектуре Центральной Азии и ислама, изданных в разных странах мира. Выдвигались варианты графической реконструкции этого фасада (Прибыткова 1973: 117; Асанов 1983: 142-146), воссоздан рисунок фриза, венчающего стену слева и справа от портала, сделан геометрический анализ его входной ниши и пропорций гофрированной стены (Хмельницкий, 1992: 190, 193, 197), с помощью проф. А.Э.Шмидта прочитана эпиграфика – арабская (Коран: 3, 16-17) под карнизом юго-западной башни и персидская на архивольте арки портала (Умняков 1927: 11-12).

Все важнейшие композиционные элементы этого фасада – гофры, угловые башни, развитый пештак, а также строительная техника и характер декора говорят о сочетании в этом памятнике архаичных традиций с новыми элементами. Если конструкции стен здесь в основном сырцовые, и лишь фасадная облицовка из жженого кирпича, то стволы гильдаста сложены из него примерно наполовину, а пештак целиком! Давно известно, что переход к жженому кирпичу способствовал развитию порталов. Рабат-и Малик, чей пештак считался самым ранним из сохранившихся в регионе до открытия мавзолея Араб-ата (X в.), показателен и по своему декоративному убранству. Как отмечает Н.Б.Немцева (с.14), в нем примерно в равных пропорциях представлены резная неполивная терракота и резной ганч. Такое сочетание – еще один существенный признак переходной эпохи в архитектуре Центральной Азии и Ирана.

В следующих главах, отражающих результаты археологических работ, автор останавливается на внутреннем устройстве здания, описывает выявленный план, в котором выделяется северный перистильный двор первого строительного периода (XI в.) с однорядовой колоннадой по внутреннему периметру. На его месте в XII в. появилась крытая галерея с октагональной купольной ротондой в центре. Купол диаметром 18 м опирался на парные колонны, установленные на углах октагона. Для XII века это была одна из крупнейших в мире купольных оболочек и самая большая в регионе: она на 1 м превосходит купол мавзолея султана Санджара и на 3 м – главный купол Соборной мечети Исфохана (с.22). С полным на то основанием ее можно назвать «техническим чудом [...] этого и более позднего времени» (Хмельницкий 1996: 289). В отдельных главках представлен декор северной половины Рабат-и Малика. Это резной ганч ротонды с несколькими видами геометрического и растительного орнамента и очень эффектной эпиграфической лентой с архивольта одной из арок, выполненной почерком *насх* и, к сожалению, так и не прочитанной из-за отдельных лакун. Это и гравированный ганч галереи, имитирующий парную кладку кирпича, и другие виды декора: ганчевые плитки со штампованным орнаментом, а также редкие фрагменты глазурованной резной терракоты. В южной половине сооружения автор выделяет два хозяйственных двора, разделенных центрально-осевым проходом, помещение с михрабом, выполнявшее функцию мечети – слева перед входом в северную галерею, а также баню в левом южном дворе с отопительной системой, типичной для этого региона. Этой бане, построенной во втором строительном периоде (XII в.) как отдельно стоящее сооружение, была посвящена отдельная публикация (Немцева, Сапаров 2002). В рецензируемой книге приведено ее достаточно детальное описание и дан краткий исторический обзор этого типа сооружений, совершенно неизвестных в Средней Азии доарабской поры, но распространившихся с приходом арабов и возникших при их посредничестве культурных контактов с западными областями Халифата, где сохранялись традиции эллинизма.

Отдельная глава книги Н.Б.Немцевой отведена стратиграфии Рабат-и Малика. Автор сразу оговаривает, что стратиграфии в классическом понимании здесь нет: «Интенсивная жизнь на замкнутой территории, различного рода благоустройства, ремонты и переделки привели к смешанности слоев еще при жизни памятника» (с.40). Толщина культурного слоя в северной половине, наиболее пострадавшей в XX веке, не превышает 50-70 см, а в южной, у портала – максимум 1,5 м. Но и отсюда удалось извлечь разнообразный вещественный материал, позволивший автору, опираясь на данные из других изученных памятников Бухарского оазиса, впервые для этого региона наметить шкалу развития средневековой керамики и считать ее эталонной, конечно, с учетом дальнейшей корректировки. Никаких следов керамики, хорошо известной по саманидской и раннекараханидской глазурованной

посуде X в., а также монет того столетия здесь не оказалось, что лишает оснований гипотезу о том, что Рабат-и Малик мог быть построен в столь раннее время (Хмельницкий 1992: 187-194). Среди керамических комплексов Н.Б.Немцева выделяет глазурованную керамику XI в., XII-начала XIII вв., включая люстровую; неполивную керамику XI-XII вв.: кувшины, тагора, сковороды, хумы, котлы, крышки, симаб-кузача (сфероконы); дорогую штампованную посуду XII-начала XIII вв.: фляги, кувшины, чайники, узкогорлые графины, а также большое число калыбов для производства штампованного орнамента, что наводит на мысль о существовании мастерской керамистов, изготавливавших элитную посуду в пределах внешней ограды дворца. Следующие керамические комплексы автор датирует XIII-XIV, XIV-XV, XVI-XVII и XVII-XVIII вв. и делает вывод, что на протяжении этих столетий посуда Бухарского оазиса в общем своем развитии, по характерным для каждого периода признакам, принципиально не отличалась от известных средневековых комплексов Согда, Чача, Ферганы, Семиречья, Хорезма, Хорасана, хотя и выявляется определенная местная специфика.

Раскопки Рабат-и Малика дали в руки исследователей небольшую коллекцию ювелирных изделий: это в основном бусы из полудрагоценных камней, кашина, стекла и стеклянной пасты. Найдена немало бытовых изделий из бронзы, среди которых выделяются детали от деревянных резных дверей: крепежные пояса и две художественно обработанные накладку под хальку (дверную колотушку). Кроме того, автор публикует таблицы железных, костяных предметов, описывает найденные фрагменты ганчевых дастарханов, тандыры для выпечки лепешек, каменные жернова и нумизматический материал – к сожалению, без приложения таблиц. 78 иллюстраций, конечно, дают достаточное представление об архитектуре и материальной культуре Рабат-и Малика, но их, все-таки, могло быть и больше, особенно архивных фотографий исчезнувших частей здания и его нынешнего состояния, после недавней консервации руин. Нельзя удержаться от реплики по поводу илл.71, на которой запечатлен момент укрепления фундаментов западного крыла фасада. Этот снимок 1928 г., как и в нескольких предыдущих публикациях, неправильно скадрирован, что создает ложное впечатление гораздо более сильного уклона башни, чем это было на самом деле. Достаточно обратить внимание на линию горизонта, и станет видно, что и башня, и фасадная стена имели уклон в разные стороны.

Хотя монография Н.Б.Немцевой и содержит, кроме всего сказанного, краткие сведения об историческом антураже и архитектурных параллелях, позволяющих вынести суждения о месте этого объекта в типологическом ряду средневековой архитектуры исламского мира, назвать ее междисциплинарной все-таки нельзя. Но она и не претендует на это, ограничиваясь археологическим материалом, что ясно обозначено в самом названии. И в этом ее непреходящая ценность: интерпретировать опубликованные факты может всякий эрудированный специалист, а вот

добыть их в буквальном смысле из-под земли и сделать достоянием науки – только многоопытный археолог. Бывают случаи, когда историки архитектуры не соглашаются с мнением археологов – авторов раскопок, несколько высокомерно полагая, что последние за деревьями не видят леса. Но в связи с Рабат-и Маликом можно лишь констатировать абсолютное согласие с выводами его главного исследователя, представившего коллегам очень емкий и научно обоснованный труд, без вольных домыслов и шатких гипотез. Такое добротное исследование одного памятника вполне может служить эталоном для археологов новых поколений, если им также повезет раскопать и предъявить научному сообществу еще неизвестные объекты неисчерпаемого культурного наследия нашего региона.

Но если по содержанию монография заслуживает всяческих комплиментов, то по форме ее никак нельзя назвать образцовой. Разумеется, это упрек не автору, а, скорее, издателю, который не смог обеспечить адекватный такому бесценному материалу уровень публикации. Понятно, что издававшаяся на протяжении восьми лет серия «Рабочие документы ИФЕАК» малобюджетная и не предполагала качественные книжные издания, но тем обиднее за автора, чей труд достоин и большего тиража, и совсем иного оформления. Остается выразить надежду, что переиздание этой книги Н.Б.Немцевой в профессиональном исполнении не заставит себя ждать и сделает ее доступной для всех заинтересованных специалистов в Центральной Азии, России и других странах.

Литература

- Асанов 1983: *Асанов А.А.* Предварительная реконструкция сооружения // *Художественная культура Средней Азии. IX-XIII века.* Ташкент.
- Байпаков 2005: *Байпаков К.М.* Древние города Казахстана. Алматы.
- Бичурин 1998: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. Алматы.
- Веймарн 1940: *Веймарн Б.В.* Искусство Средней Азии. М.-Л.
- Воронина 1996: *Воронина В.Л.* Черты дворцовой архитектуры Средней Азии VIII в. // *Архитектурное наследие, № 40.* М.
- Денике 1939: *Денике Б.П.* Архитектурный орнамент Средней Азии. М.-Л.
- Засыпкин 1928: *Засыпкин Б.Н.* Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации // *Вопросы реставрации.* М.
- Засыпкин 1948: *Засыпкин Б.Н.* Архитектура Средней Азии. М.
- Маньковская 1980: *Маньковская Л.Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии (IX-начало XX в.). Ташкент.
- Мкртычев, Мурадов 2006: *Мкртычев Т.К., Мурадов Р.Г.* Предисловие в кн.: Хмельницкий С. Дворцы Хутталя. Berlin.

Некрасова 2001: *Некрасова Е.Г.* Археологическое исследование Кырк-Кыз // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент.

Немцева 1983: *Немцева Н.Б.* Рабат-и Малик: Археологические исследования 1973-1975, 1977 гг. // Художественная культура Средней Азии. IX-XIII века. Ташкент.

Немцева 2000а: *Немцева Н.Б.* Новое о бухарском памятнике XII в. Рабат-и Малике: караван-сарай или резиденция? // Узбекистон тарихи. №1-2. Ташкент.

Немцева 2000б: *Немцева Н.Б.* Степная резиденция Караханидов // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы Международной конф., посв. 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной, М.

Немцева 2002: *Немцева Н.Б.* Царская крепость в Бухарской степи // ИМКУ, вып.33. Ташкент.

Немцева 2004: *Немцева Н.Б.* Штампованная керамика из Рабат-и Малика // Transoxiana: история и культура. Ташкент.

Немцева 2010: *Немцева Н.Б.* Рабат-и Малик: материалы раскопок // Отзвуки великого Хорезма: К 100-летию со дня рождения С.П.Толстова. М.

Немцева, Сапарпов 2002: *Немцева Н.Б., Сапаров Н.Ж.* Банный комплекс Рабат-и Малика // ИМКУ, вып.33. Ташкент.

Нильсен 1956: *Нильсен В.А.* Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI-XII вв. Ташкент.

Прибыткова 1973: *Прибыткова А.М.* Строительная культура Средней Азии IX-XII вв. М.

Пугаченкова 1982: *Пугаченкова Г.А.* К типологии монументального зодчества древних стран среднеазиатского региона // Iranica Antiqua, vol.XVII. Gent.

Пугаченкова, Ремпель 1965: *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* История искусств Узбекистана. М.

Ремпель 1961: *Ремпель Л.И.* Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент.

Семенов 1951: *Семенов А.А.* К вопросу о датировке Рабат-и Малика в Бухаре // Труды САГУ, новая серия, вып.XVIII, гуманитарные науки, кн.4. Ташкент.

Стародуб-Еникеева 2004: *Стародуб-Еникеева Т.Х.* Сокровища исламской архитектуры. М.

Умняков 1927: *Умняков И.И.* Рабат-и Малик // Сборник в честь В.В.Бартольда. Ташкент.

Хмельницкий 1992: *Хмельницкий С.Г.* Между арабами и тюрками: Архитектура Средней Азии IX-X вв. Берлин - Рига.

Хмельницкий 1996: *Хмельницкий С.Г.* Между Саманидами и монголами: Архитектура Средней Азии XI-начала XIII вв. ч.I. Берлин - Рига.

Хмельницкий 2004: *Хмельницкий С.Г.* Архитектура средневековых дворцов Центральной Азии // Transoxiana: история и культура. Ташкент.

Lehmann 1852: Alexander Lehmann's Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842 St-Petersburg.

Hillenbrand 1994: *Hillenbrand R.* Islamic Architecture: Form, function and meaning. Edinburgh.